

Игорь
Замедянский

Надо смотреть! Век, Москва - 1996. - 6 апреля, с. 5

КАК ОБРАТИТЬ ФОРМУ?

Когда попадаешь из суеты и сутолоки города в эту маленькую мастерскую на Покровском бульваре, переполненную скульптурой, оказываешься как бы в параллельном мире, на первый взгляд, совершенно незнакомом.

Но вдруг, какой-то глубинной памятью, начинаешь узнавать наш мир, отраженный в магическом кристалле художественного вдохновения.

Поражаешься тому, что все это сделано одним в сущности еще молодым 35-летним человеком, но уже вполне сложившимся мастером — Игорем Замедянским.

Ироничный, вечно сомневающийся апостол Фома, застывший

Вс. Мейерхольд

в горе и отчаянии братоубийца Каин, страшные, сбившиеся в плотную массу монстры — ошестинившиеся клыками, рогами, копытами, готовые в любой момент наброситься и укусить, забодать, затоптать. Странный человек, полы плаща которого оказываются створками окна, а шарф — занавеской, за которой аллея, в которую хочется уйти и не возвращаться...

И рядом с этими фантазмагорическими персонажами встает ряд лаконичных, почти аскетичных, по форме схожих разве что с греческими амфорами фигур: влекущая блестящей чернотой Амазонка, мерцающая, отливающая золотом и серебром платины таинственная Королева. Продолжает тему череда работ, описанию почти не поддающихся. Это трепетная, едва угадываемая женская плоть, перетекающая то в волну, то в облако.

В работах Игоря Замедянского неожиданное пластическое решение соседствует с глубоким философским содержанием. Дерево, вырастающее из яблока, — вечный вопрос первичности: курица или яйцо, дух или материя?

Длинная, неровная, увенчанная ма-

леньким крестиком Голгофа — извечное стремление к вершине, библейская Смоковница, зияющая страшной раной — то ли разбитый сосуд, то ли треснутое дерево. Классифицировать все это, соотнести с каким-либо направлением невозможно.

Несмотря на то, что Игорь достаточно известен (памятники, работы в музеях едва ли не во всех цивилизованных странах), это почти не имеет для него значения. Творческий процесс представляет для скульптора большую ценность и интерес, чем результат.

Хочет художник того или нет, он всегда летописец своего времени, за стенами мастерской невозможно укрыться от кричащей действительности. Она хватает за полы пальто на каждом углу. Ставшая повседневною, знамением времени, фигура ничего (воистину «нового русского») вырастает в эпическую, почти монументальную (не по размерам, а по духу) работу. Тень: человек с изломанными, измятыми чертами лица протягивает зрителю огромную, превосходящую все мыслимые размеры руку, другой рукой, откинув полу бесформенного пальто, открывает страшную сквозную дыру в груди.

Наше странное и страшное время будут узнавать в работах художников. Мудрая Айрис Мердок сказала: «Искусство — вещь неудобная, с ним шутки плохи. Ис-

кусство выражает единственную правду, которая в конечном счете имеет значение. Только при свете искусства могут быть исправлены дела человеческие. А дальше искусства, могу вас всех заверить, нет ничего...».

Однако описывать скульптуру — все равно, что описывать музыку, да и фотография дает о ней весьма приблизительное представление: ее надо видеть воочию, долго стоять перед каждой работой и размышлять. В Центральном Доме художника на Крымском валу персональная выставка Игоря Замедянского прошла с большим успехом. Ждем новых встреч!

Мария СОЛОДОВНИКОВА,
искусствовед

Москва — Париж

Н. Гумилев

Апостол
Петр